

Емельяненко Владимир Дмитриевич

А. К. ТОЛСТОЙ КАК МЕТАФИЗИК В ДРАМАТИЧЕСКОЙ ПОЭМЕ "ДОН ЖУАН"

В статье развито и конкретизировано высказанное в свое время В. С. Соловьевым и не привлекавшее до сих пор внимание исследователей положение о том, что в драматической поэме "Дон Жуан" известный русский поэт А. К. Толстой проявил себя как яркий религиозный метафизик, обладающий исключительной последовательностью и твердостью мысли. В этой связи исследуется решение наиболее важных религиозно-философских проблем, в художественной форме предложенных А. К. Толстым в этом произведении, - онтологических вопросов, темы свободы и ответственности человека. Рассматриваются особенности понимания поэтом взаимодействия добра и зла, его концепции любви как вселенской метафизической силы.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/1/2015/7/16.html

Статья опубликована в авторской редакции и отражает точку зрения автора(ов) по рассматриваемому вопросу.

Источник

Альманах современной науки и образования

Тамбов: Грамота, 2015. № 7 (97). С. 62-65. ISSN 1993-5552.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/1.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/1/2015/7/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: almanac@gramota.net

УДК 1(091).140.8

Философские науки

В статье развито и конкретизировано высказанное в свое время В. С. Соловьевым и не привлекавшее до сих пор внимание исследователей положение о том, что в драматической поэме «Дон Жуан» известный русский поэт А. К. Толстой проявил себя как яркий религиозный метафизик, обладающий исключительной последовательностью и твердостью мысли. В этой связи исследуется решение наиболее важных религиозно-философских проблем, в художественной форме предложенных А. К. Толстым в этом произведении, – онтологических вопросов, темы свободы и ответственности человека. Рассматриваются особенности понимания поэтом взаимодействия добра и зла, его концепции любви как вселенской метафизической силы.

Ключевые слова и фразы: Бог; добро; истина; мировоззрение; свобода; ответственность; философское мировоззрение; художественное мировоззрение.

Емельяненко Владимир Дмитриевич, к. филос. н., доцент
Брянский государственный университет имени академика И. Г. Петровского
emelyanenko_152@mail.ru

А. К. ТОЛСТОЙ КАК МЕТАФИЗИК В ДРАМАТИЧЕСКОЙ ПОЭМЕ «ДОН ЖУАН»[©]

Как известно, выраженные в художественной форме философские идеи играли важную роль в системе мировоззрения А. К. Толстого [1]. Он хорошо разбирался во многих направлениях как восточной, так и западноевропейской философии, особенно в мистических учениях. Сильное влияние на великого русского поэта и писателя оказала немецкая классическая и романтическая философия. Произведения многих немецких мыслителей А. К. Толстой читал в оригинале [3, с. 29]. Ему были хорошо известны главные оригинальные термины, понятия и категории классической немецкой философии [Там же, с. 27]. Вместе с тем, следует отметить, что А. К. Толстой был вполне уверен в том, что неплохо разбирается в философии, и позволял себе достаточно смелые и оригинальные собственные трактовки теорий целого ряда мыслителей, идеи которых цитировал в своих письмах. При этом он их не только критиковал (Л. Бюхнера и Я. Молешотта) или оценивал (И. Канта), но даже писал о творчестве А. Шопенгауэра своей жене Софье Андреевне, что давно предвосхитил одну из важных его идей. К тому же, поэт и писатель относился к философам как к обычным людям, без излишнего пиетета [Там же, с. 27-28].

Имеются исследования, в той или иной мере посвященные изучению влияния на творчество А. К. Толстого зарубежных философских школ и направлений [2; 3]. Нельзя отрицать необходимости «изучения философских воззрений писателя с точки зрения восприятия и оценки им основных тенденций развития европейской общественной мысли, в том числе концепций ведущих представителей немецкой классической философии» [3, с. 27]. Вместе с тем, А. К. Толстой не просто синтезировал в собственном мировоззрении те идеи, которые воспринял из трудов тех или иных философов. Он не только излагал в письмах свои мнения по поводу философских концепций. Сам поэт и писатель тоже высказывал, в основном в художественной форме, иногда вполне оригинальные философские идеи. Особо в этом отношении следует отметить произведение А. К. Толстого «Дон Жуан». Хорошо известно, что эту драматическую поэму в свое время очень высоко оценил великий русский философ В. С. Соловьев. В письме к В. П. Федорову (1883) он сетовал на то, что, к сожалению, «русская изящная литература имеет мало общего с философией». К исключениям В. С. Соловьев относил именно «Дон Жуана» А. К. Толстого и трагедию «Два мира» А. Н. Майкова [4, с. 5]. Действительно, в этой достаточно объемной поэме нарисована вполне развернутая не только художественная, но и философская картина бытия. К сожалению, на этот факт мало кто обращал внимание после В. С. Соловьева, и «Дон Жуан» пока не привлек к себе заметного внимания исследователей философского аспекта творчества А. К. Толстого (как, впрочем, и в целом философское содержание его мировоззрения).

В поэме «Дон Жуан» главной литературно-художественной сюжетной линией является рассказ о судьбе благородного и смелого маркиза Жуана де Маранья. Вместе с тем, ее главным философским содержанием выступает дискуссия между Добром и Злом в лице спустившихся на землю небесных Духов и Сатаны. Выразительными художественными средствами рисуется величественная религиозно-онтологическая картина бытия. При этом заметно влияние на А. К. Толстого идей романтизма, когда сухой деистической концепции Бога как высшего разума противопоставляется идея Бога-личности.

Лишь Бог находится вне всякого времени и пространства, он вечен. В онтологическом смысле он является безусловным исходным началом. Бог – это «свет без тени», в котором нераздельно слита совокупность «всех явлений, всех сияний полнота» [6, с. 414]. А. К. Толстой вкладывает в уста небесных Духов следующую весьма четкую формулировку: «Едино, цельно, неделимо, / Полно созданья своего, / Над ним и в нем, невозмутимо, / Царит от века Божество. / Осуществилось в нем ясно, / Чего постичь не мог никто: / Несогласимое согласно, / С грядущим прошлое слито...» [Там же, с. 486]. Комментируя выраженную в весьма яркой поэтической форме глубокоую религиозно-философскую идею, В. С. Соловьев подчеркивает, что это –

блестящая художественная характеристика известного поэта, в которой он демонстрирует исключительную твердость и последовательность мысли, которая сделала бы «честь любому метафизику», обосновывая «идею всеединого Божества» [5, с. 493]. При этом А. К. Толстой развивает вполне ортодоксальные теологические воззрения о том, что Господь создал мир из ничего совершенно свободным актом воли. Небесные Духи, которые спорят с врагом Бога и человечества, называют ничто, из которого создан мир, «предвечной тьмой». Таким образом, автор вводит в художественное произведение философскую категорию «ничто».

В связи с проблемой первоосновы бытия решается и религиозно-философский вопрос об онтологической природе зла. Автор и здесь испытал заметное влияние философского романтизма. Для этого западноевропейского течения характерен интерес к злу и даже некоторое его «облагораживание», но лишь в связи с его диалектикой с добром. Мефистофель в «Фаусте» И. В. Гете утверждает, что он является частью той силы, которая «вечно хочет зла и вечно совершает благо» [8]. У А. К. Толстого враг человечества тоже, прежде всего, оттеняет замысел Бога. Важно отметить при этом, что в мировоззрении поэта ничто вовсе не тождественно со злом! В этой связи рассматриваются претензии врага человечества на самостоятельную роль в мироздании. Он утверждает, что не отпал от Бога, а существует изначально. Падший ангел при этом пытается уверить всех, что он произошел именно из ничего, от «предвечной тьмы», утверждая, что в философии он представляет «изнанку божества», в математике – минус, а в жизни является вездесущим отрицанием. Поскольку же Бог создал весь мир из ничего, то он якобы и есть «тот самый материал, / Который послужил для мироздания!» [6, с. 418].

Принятие подобной точки зрения ведет к тому, что добро и зло, по меньшей мере, утверждаются как два онтологически равноправных и дополняющих друг друга начала. Более того, получается, что мир (в том числе и добро!) создан Богом из ничего (то есть зла!) со всеми вытекающими из такого навязанного Сатаной вывода негативными последствиями. Естественно, что А. К. Толстой в лице небесных Духов резко отвергает подобный подход. Духи отвечают Сатане, что его легко узнать по дерзостным речам, выступают категорически против того, чтобы их оппонент вел свое происхождение «хвастливо от предвечной тьмы» и напоминают, что он «был, до дня паденья, / Таким же светлым, как и мы!» [Там же]. Обращаясь к Сатане, небесные Духи утверждают, что силы Добра и Зла представляют собой именно два разнородных начала, которые, однако, при этом «равно подвластны» Всевышнему, премудрость которого указала «Нам быть глаголом идеала, / Тебе же быть глаголом тьмы!» [Там же, с. 485-486]. Подобно тому, как мгла подчеркивает яркость блеска звезд, на долю Сатаны досталось всего лишь противоречить воле Бога, «чтоб тем светлей она была!» [Там же, с. 485].

С одной стороны, Вседержитель дал волю «усильям духа злого», и поэтому снова и снова совершается «спор враждующих начал» [Там же, с. 414]. Мстительный хаос, «раздвинутый» творением мироздания, старается поднять на Божью благодать «мутно плещущие волны». Однако Божья воля, как провозглашает один из Духов, лишь «терпит тьму», храня «явлений двойственность» [Там же, с. 417]. С другой стороны, «струящаяся» от Бога сила постоянно борется с тьмой [Там же, с. 414]. Происходит непрерывающаяся битва смерти и рожденья, в которой Божество основало торжество вечной жизни, нескончаемость творения и продолжение мироздания [Там же]. Автор пишет о вечности мироздания, в котором безостановочно «текут созвездья» и вечно мрак сменяется светом, а законом движения является «нарушение и возмездье». Через постоянные изменения в мире «Бог проводит мысль одну», всегда ведя за зимой весну как «символ возрожденья» [Там же]. «Закон вселенной – равновесье», – говорит в первой редакции поэмы и сам главный герой, Жуан де Маранья, осознавший этот важнейший мировой закон [7].

Пытаясь обмануть небесных Духов, Сатана льстит им, утверждая, что Добро и Зло совершенно равноправны, а Бог существует «только для красоты» и представляет собой лишь замысловатый символ, миром же на самом деле «правим мы, две равные палаты». По его мнению, Всевышний – это Добро и Зло в единстве, разрыв же между ними кажущийся, и если посмотреть с двух сторон, то вместе «вы да я, мы совокупно – он». Враг человечества предлагает устроить сочетание из «двух половин», смешав химически любовь со злобою, а мир как некогда раз и навсегда заведенную машину советует «предать его судьбе» [6, с. 485-486].

Сатана пытается уравнять себя и Бога и другим способом – показав относительность любых знаний и утверждений. Он заявляет, что никто не знает, что такое истина. Недаром, Пилат не получил на свой вопрос ответа. Представитель Зла сравнивает истину с выпуклым узором на жестяной бляхе. Он изображен в глубину «со стороны обратной», в результате чего «двойким способом» с двух сторон выходит «одно и то же аккуратно». Данный узор и иллюстрирует собой истину, в которой Господь Бог и Сатана якобы представляют лишь две стороны, по-своему выражая «тайну бытия». В этом будто бы и заключается «вся разница» между пониманием истины со стороны Добра и Зла [Там же, с. 485]. Падший ангел отстаивает точку зрения об относительности всех знаний, опираясь и на положение о бесконечности мира. По его мнению, в беспредельности есть простор, и поэтому, куда бы мы ни посмотрели, «метя в круг неизмеримый», мы никак не можем промахнуться. Если центра нигде нет, и им служит любой случайный пункт, если условны свет и мрак, тайное и явное, то тогда «все воззрения возможны, / Все равно верны или равно ложны» [Там же, с. 487]. Враг человечества также убежден, что любые воззрения, кроме веры в Бога, в конечном итоге выгодны именно ему. Так, он заявляет, что какую бы мы ни приняли философскую систему (веры или рационализма, деизма или пантеизма), она в любом случае приведет к отрицанию Божьего промысла. Другим вариантом является принятие учения фатализма, но его представителей тоже нельзя спасти, ибо они фактически отрицают необходимость стремления человека к добру [Там же, с. 488].

Важную роль в драматической поэме занимает идея о том, что никто не в силах понять промысел Божий. Прежде всего, Духи не оставляют шанса осознать его Сатане, призывая замолкнуть «жалкого сына паденья»

и не тратить на возражения «язвительных слов», поскольку у него «холодная душа», и поэтому ему недоступно святое провиденье [Там же, с. 487]. При этом А. К. Толстой не отрицает возможности познания человеком мира, однако постижению истины есть определенный предел, видимо, установленный Богом. И только сам Господь обладает полной истиной, поскольку только он тождественен с ней, законы же его непреложны, и перед его величием ничтожны как те, кто любит, так и те, кто клянет [Там же, с. 485].

В драме показывается неполнота земного мира вне его связи с небесным бытием. Вместе с тем, земная реальность – это лишь несовершенное подобие небесного мира, поскольку все явления Вселенной и движения вещества представляют собой всего лишь «отблеск божества», раздробленный отражением. Лучи Божества, «врозь скользя», беспредельно разделились, земной же мир представляет собой как бы отдельный луч, и, исходя из его божественного происхождения, «не светить ему нельзя» [Там же, с. 413]. Выразительными поэтическими средствами А. К. Толстой рисует прекрасный земной мир, наполненный радостью прихода долгожданной весны. Просыпающаяся от зимы природа хвалит Бога за свое торжество. Это делают и «воссияющие из чаш фимиам» цветы, и, своими криками, кружащиеся в небе журавли, и плывущие «в тверди лазурной» облака, и освободившиеся ото льда озера и реки. Вместе с тем, несмотря на «журчанье вод, цветов дыханье», земная жизнь не идеальна, и поэт вкладывает в уста соловья песнь о «крае ином», надежду на другую, «неведомую весну», на более совершенную, «далекую красоту». Спустившиеся с небес Духи подтверждают, что блажен лишь тот, кто чист и прост душою и чей дух не закрыт молитве, кто благодарит Творца миров «вместе с юною землею». Однако при этом он «мыслью, вечно восходящей», ищет идеал не в земной жизни и «не приковал» к ней «души своей любящей» [Там же, с. 416].

Серьезное влияние на А. К. Толстого оказал тезис романтической философии о любви как божественном мировом начале, недоступном разуму. Развивая идею, поэт показывает исключительную роль любви в мироздании. Благодаря объединяющей роли Бога, в мире сочетаются творчество и покой, любовь и невозмутимость. Благодаря любви, «вечным строем» возникают ее все новые и новые создания; полная всемирным движением, она направляет путь светилам, «нисходит вдохновеньем» в «восторженную грудь» певца, рдея полевыми цветами и «звуча в паденье светлых вод», она «живыми законами» присутствует во всем, что движется. Сила любви всегда соединена с Вселенной, но не тождественна ей. Любовь как метафизическая сила «несомненна для сердца», хотя и «темна для разума» [Там же, с. 486-487]. Широко известны яркие строки из стихотворения А. К. Толстого «Меня во мраке и в пыли...» (1851): «И жизни каждая струя, / Любви покорная закону, / Стремится силой бытия / Неудержимо к Божью лону. / И всюду звук, и всюду свет, / И всем мирам одно начало, / И ничего в природе нет, / Что бы любовью не дышало» [Там же, с. 54]. В. С. Соловьев по этому поводу замечает, что любовь овладела сердцем поэта, она «открылась ему» как *сущность всего существующего* [5, с. 494].

А. К. Толстой поднимает в «Дон Жуане» и традиционную для религиозно-философской антропологии проблему дуализма души и тела, отмечая, что в тревожном колебании жизни «с душой всегда враждует плоть» [6, с. 423]. Красной нитью в поэме проходит идея спасения человека от сил зла как в результате собственных усилий, так и волей Бога. Драма показывает борьбу сил добра и зла за душу человека на примере жизни дон Жуана де Маранья. Как следует из текста, дон Жуан обладает выдающимися интеллектуальными и моральными качествами. Духи даже заявляют, что он «любимец природы» и «избранник творца» [Там же, с. 421]. Однако при этом маркиз Жуан де Маранья обладает большой гордостью. Кроме того, Сатана замечает, что герой не верит на слово никому и ни в чем, а хочет все то, что завещало нам преданье, «своим исследовать умом» [Там же, с. 483]. Важно, что А. К. Толстой видит в доне Жуане не «простого гуляку», а «искателя идеала» [Там же, с. 29]. Как отметил И. Г. Ямпольский в предисловии к собранию сочинений писателя, «Толстой сблизил Дон Жуана с Фаустом в его романтической интерпретации, превратив его в своеобразного искателя истины» [Там же]. Таким образом, разочарование героя в любви и истине вызвано не порочной натурой или же пресыщением, а стремлением к идеалу.

Сатана стремится использовать разочарование героя в своих целях. Он показал дону Жуану «незримый никому», «чистый прототип» и «образ совершенный», приготовленный «для каждой личности» [Там же, с. 421]. Поэтому дон Жуан, из-за гордыни своей (он – максималист, как бы сейчас сказали), и стремится именно к идеалу, к предельному воплощению чего бы то ни было. Поскольку любовь как сущностная сила наполняет мир, именно она захватывает душу дон Жуана. В соответствии с замыслом Сатаны, как только дон Жуан влюбляется, он перестает видеть идеал женщины, а обнаруживает вместо этого реальную женщину. Иными словами, дон Жуан безуспешно ловит «все новый идеал в объятьях девы каждой!» [Там же, с. 422]. С отчаянием и «страстью во взоре» он ищет «небесное на земле» и «в каждом торжестве себе готовит горе» [Там же]. Стремление Жуана де Маранья к идеалу, постижению истины и любви Сатана использует для того, чтобы подчинить героя себе.

Дон Жуан так говорит о своем разочаровании в любви: «А, кажется, я понимал любовь!». Он ищет в любви не то узкое чувство, которое, соединяя два сердца, одновременно отделяет их стеною от мира. Ему кажется, что любовь роднила его с вселенной, он видел в ней «источник всех истин», «всех дел великих первую причину». Через нее Дон Жуан хотя и смутно, но уже понимал «чудесный строй законов бытия, / Явлений всех сокрытое начало» [Там же, с. 433]. Примечательно, что герой именно разумом стремится доказать, что любовь является первоосновой бытия. Когда это не удается, он делает вывод о том, что если любовь есть ложь, то все чувства и понятия, которые в себя она вмещает – честь и совесть, сострадание, дружба и верность, религия и уважение законов, привязанность к отечеству, тоже являются ложью

[Там же, с. 436]. Поэтому разочаровавшийся дон Жуан не хочет «мириться с судьбой» и заявляет, что теперь не верит ничему и ничем не сдержан, «отпускает бразды страстям» и скоро достигнет, «не разбирая средств», каждой поставленной цели, «отомстив жизни» [Там же, с. 437]. Приходя к безверию, герой провозглашает: «Восстань же, дон Жуан! / Иди вперед как ангел истребления!». Он намерен бросить снова «вызов призраку любви», мелкие сплетенья пошлых условий порвать вокруг себя, как паутину, и жить один, «для мщенья и для страсти!». Назло всему, дон Жуан хочет «господствовать над жизнью» [Там же, с. 437-438].

Важно, что дон Жуан отрицает ложь, а не веру в Бога. Так, он сокрушается, что мог бы босым и во вла- сьянице, простертым в прах и «с пеплом на главе» попытаться искупить хоть долю тех преступлений, кото- рые рождены безверьем. Герой понимает, что если бы верил в Бога, то для него был бы смысл искать себе мучений и предавать плоть истязаниям, жадно «упиваться страданьем». Однако веры у него нет, и он в от- чаянии восклицает: «О горе мне, что не могу я верить!» [Там же, с. 493]. Именно поэтому Духи решительно возражают врагу человечества, когда он радуется приближающемуся падению дон Жуана, заявляя, что неверие героя является результатом обмана и того, что он «высокой душой» ожесточен на ложь. Поэтому, по мнению Духов, сгубить «лишь на земле ты можешь дон Жуана, / Но в небе будет он прощен!» [Там же, с. 483]. В первоначальной редакции А. К. Толстой заканчивает драму спасением души «обманами водимого» дон Жуана благодаря любви, которая «... есть сердца покаянье» и «веры ключ живой» [7].

Интересна трактовка в драме А. К. Толстым проблемы свободы и необходимости в деятельности человека. Как следует из ее содержания, поэт и мыслитель не является сторонником ни фатализма, ни волюнтаризма. Он исходит из наличия определенных ограничений в деятельности людей, установленных для них Богом. По-видимому, в каче- стве таковых выступают, прежде всего, заповеди божьи. Вместе с тем, есть, очевидно, и некий неведомый человеку промысел Божий. В самом деле, в драме не один раз повторяется, что пути творца необъяснимы, а его «судеб таин- ствен ход» [6, с. 423]. Подчеркивается, что «вкруг дел людских загадочной чертой» от века очерчена грань свободы, и «без насилия может в грани той / Вращаться вольный выбор человека» [Там же, с. 484]. Если же человек не учи- тывает данные ограничения (как сейчас сказали бы, объективные закономерности), возникают негативные послед- ствия, прежде всего, для него самого: «лишь если он пределы перейдет» и «вступит святотатно» в чужую область, то «впадает он в судьбы водоворот / И увлечен теченьем невозвратно» [Там же].

Анализ содержания драматической поэмы «Дон Жуан» показывает, что философские идеи пронизывают все это произведение, и без них оно фактически теряет всякий смысл. Поэтому, на наш взгляд, поэму «Дон Жуан» с полным правом можно назвать философской драмой, в которой в художественной форме предло- жены решения проблем происхождения и бытия мира, свободы и ответственности человека, соотношения и взаимодействия добра и зла, развивается концепция любви как основополагающей вселенской метафизиче- ской силы. А. К. Толстого в этой связи следует рассматривать не только как талантливого писателя и поэта, но и как одного из заметных представителей русской религиозной философии, в блестящей художественной форме выразившего в данном произведении некоторые важные ее идеи. Мировоззренческая ориентирован- ность – один из важных аспектов его многостороннего таланта. На примере творчества А. К. Толстого ярко проявляется связь русской литературы XIX века с философией.

Список литературы

1. Емельяненко В. Д. Мировоззрение В. С. Соловьёва и творческое наследие А. К. Толстого // Исторические, фило- софские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Там- бов: Грамота, 2013. № 12 (38). Ч. 3. С. 66-70.
2. Жаткин Д. Н., Шешнева Т. Н. Феномены немецкой культуры в творческой оценке А. К. Толстого // Известия Туль- ского государственного университета. Гуманитарные науки. 2010. № 2. С. 338-345.
3. Жаткин Д. Н., Шешнева Т. Н., Шешнев С. Э. Немецкая философия в восприятии и оценках А. К. Толстого // Культурная жизнь Юга России. 2008. № 1 (26). С. 27-30.
4. Соловьёв В. С. Письма В. С. Соловьёва: в 4-х т. СПб., 1908-1923. Т. III. 349 с.
5. Соловьёв В. С. Философия искусства и литературная критика. М.: Искусство, 1991. 701 с.
6. Толстой А. К. Сочинения в двух томах. М.: Художественная литература, 1981. Т. I. 589 с.
7. http://az.lib.ru/t/tolstoj_a_k/text_0040.shtml (дата обращения: 26.05.2015).
8. http://de.wikisource.org/wiki/Faust_I (дата обращения: 10.03.2015).

A. K. TOLSTOY AS A METAPHYSICIAN IN THE DRAMATIC POEM “DON JUAN”

Emel'yanenko Vladimir Dmitrievich, Ph. D. in Philosophy, Associate Professor
Bryansk State University named after academician Ivan Georgiyevich Petrovsky
emelyanenko_152@mail.ru

In the article a statement, which was expressed in due time by V. S. Solovyev and has not attracted the attention of researchers until now, that in the dramatic poem “Don Juan” the well-known Russian poet A. K. Tolstoy showed his worth as a bright reli- gious metaphysician possessing the exceptional consistency and firmness of thought, is developed and defined concretely. There- upon the solution of the most important religious-philosophical problems, in the artistic form suggested by A. K. Tolstoy in this work, – ontological questions, the theme of freedom and the man’s responsibility – is examined. The peculiarities of the compre- hension of good and evil by the poet, his concept of love as ecumenical metaphysical power are examined.

Key words and phrases: God; good; truth; outlook; freedom; responsibility; philosophical outlook; artistic outlook.